

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Паниной Марии Евгеньевны на тему: «**Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)**», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока)

Диссертационное исследование М. Е. Паниной «Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)» посвящено анализу очерковой прозы китайских писателей, увидевшей свет в 2000—2010 годах, и прежде всего, тому, как решается в этих произведениях тема противопоставления «Свой-Другой» («Свой-Чужой»). Вопрос этот, на мой взгляд, важен и интересен как для специалистов-востоковедов, так и для всех, кто так или иначе соприкасается с Китаем, поскольку именно он фактически отвечает, как же действительно воспринимается Россия массовым сознанием в нашем главном государстве-партнере на востоке, существует ли какая-то динамика изменений этого восприятия, какие специфические черты в образе России и русских действительно имманентны для него, а какие искусственно навязываемы. Такого рода анализ предполагает синтез методов классического литературоведения и таких отраслей науки как статистика, политология, корпусная лингвистика и ряда других, что делает работу весьма сложной и требует от исследователя серьезной и разносторонней подготовки. Сразу отмечу, что в этом вопросе М. Е. Панина демонстрирует высокий уровень профессионального владения названными методами и способность делать на их основе доказательные и продуманные выводы.

Цель исследования определена как выделение константных характеристик и способов создания образа России и русских в современной китайской публицистике в рамках комплексного междисциплинарного подхода к исследованию образа нации, адекватного художественной природе публицистического творчества в Китае (стр. 4). Вместе с тем, в диссертации освещаются и анализируются и другие весьма важные вопросы из области филологической компаративистики. Так, например, в работе предпринята попытка «объяснить место, роль и содержание категорий китайской публицистики в общей литературной классификации, а также показать допустимые значения русскоязычного категориального аппарата применительно к исследованиям китайской публицистики» (стр. 14), что само по себе ценно и востребовано современным научным сообществом. В этом ключе дан детальный анализ понятия *баогао вэньсюэ* в синхронном и диахронном аспектах; не меньший интерес представляют аргументированные рассуждения о понятии художественной литературы и публицистики применительно к современным китайским реалиям.

Диссертация состоит из 3 глав, введения, заключения, словаря терминов и списка литературы. Нельзя не отметить, что приведенный на страницах 141—142 словарь терминов весьма удачен, содержит не только русскую транскрипцию и перевод китайских терминов, но и иероглифику к ним. Вызывает лишь сомнение, стоило ли включить в него англоязычные термины *fiction* и *nonfiction*, учитывая их чрезвычайно широкое распространение не только в специальной литературе, но и в обиходе, а также перевод

вх. 09/2-60 от 27.02.2019

(nonfiction переведён как «нефикциональная проза», fiction как «фикциональная литература», стр. 141).

Работа опирается на серьезную базу источников и привлеченных исследований: в списке литературы 163 наименования, при этом 42 на китайском и 13 на английском языке. Широко используются Интернет-ресурсы, много новых, то есть, изданных за последние 5 лет книг и статей. М. Е. Панина демонстрирует прекрасную осведомлённость в различных тенденциях современного научного анализа в области литературоведения и других смежных филологических дисциплин.

Работа четко структурирована, написана внятно и доказательно, прошла апробацию на пяти научных конференциях, две из которых представляют собой представительные международные форумы.

Вместе с тем, при чтении диссертации возник ряд замечаний и пожеланий, о которых хотелось бы сказать:

1. Желательна была бы более соразмерная композиция диссертации: при общем объеме в 161 страниц русского текста, включая титул, оглавление и список литературы, переход к непосредственно разговору о Китае происходит только на 55 странице, а к самой теме исследования — на 87. Сюда же относится пожелание разъяснить для не владеющих вопросом читателей, что означает объем текста в иероглифах, на который неоднократно ссылается исследовательница: человек, не имеющий непосредственного опыта работы с китайским языком не представляет, сколько в сопоставлении с русским печатным текстом может означать, например, 180000 иероглифов (стр. 7).
2. Не всегда удачны цитаты из работ крупных учёных-востоковедов, представленные вне контекста. Так утверждение В. Ф. Сорокина насчет того, что классическая литература Китая на протяжении своей многовековой истории развивалась практически вне связей с мировой литературой (стр. 55) должно пониматься не вполне буквально, поскольку в самой статье В. Ф. Сорокина дальше идёт пояснение, выравнивающее это весьма спорное утверждение. Китайская литература была не только связана, но фактически сформировала классическую литературу огромного ареала стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, по объему, непрерывности традиции и читательскому охвату многожды превосходящую европейскую (а именно европейскую автор статьи отчего-то называет «мировой»), но потом снимает это явное искажение действительности пояснением. Лишенная же контекста цитата названного пояснения не имеет, что может вызвать несогласие читателя, не видевшего первоисточник. Что же до цитат из статей современных философов, рассуждающих о науке в «странах Востока» (там же), то привлекать их было не очень уместно, тем более, что никаких указаний, какой такой «Востоку» (Дальний, Ближний, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия) здесь подразумевается, а ситуация в названных регионах диаметрально противоположна.

3. В рассуждениях о *баогао* *вэньсюэ* было бы вполне уместно обратиться к существовавшей на протяжении тысячелетий практике написания докладов как литературного произведения высокого стиля (в отличие от рассказов и новелл доклады трону входили в прижизненные собрания литераторов как образец подлинной и изысканной словесности). Также для исследуемой темы было бы полезно привлечь работы по традиционным сборникам *бицзи*, где жанр травелога представлен в невероятном разнообразии и эстетически предопределил сегодняшнюю его эстетику. Современные китайские исследователи это обстоятельство отдельно не освещают, но для понимания вопроса такой сопоставительный анализ мог бы быть весьма плодотворным.
4. Некоторые утверждения об истории китайской литературы требуют несколько большей аккуратности. Кроме поэзии и *саньвэнь* (стр. 58) образцами высокой литературы были, как уже говорилось, и доклады трону, и памятные надписи, и эпитафии, и трактаты. Всё это можно найти в прижизненных собраниях *вэнь* великих литераторов древности, и подобное же положение существовало вплоть до начала XX века. Поэтому главная мысль всего высказывания — отсутствие у очерковой литературы статуса высокой словесности в традиционном Китае — могла бы быть сформулирована менее дискуссионно, если бы были привлечены работы по теории и истории жанров классической китайской литературы.
5. Кажется не вполне обоснованной терминологическая перегруженность первой половины текста исследования. Попытки вывести единый терминологический стандарт из современных западных работ, компьютерных и социологических изданий и перенасыщение новыми терминами вполне привычных и понятных категорий далеко не всегда идет во благо: в работах, например, Ю. М. Лотмана, на которого ссылается диссертантка, о тех же вещах говорится внятным и красивым русским языком, который понятен не только узкому специалисту, но и любому грамотному и заинтересованному читателю. Прошу воспринять это в качестве пожелания к дальнейшей научной работе, каких бы сторон словесности она не касалась.

В то же время, следует отметить, что замечания и пожелания носят частный характер и не сказываются на общем высоком уровне работы. Их следовало бы учесть при подготовке исследования к публикации и при дальнейшей работе над данной темой. Диссертация оставляет хорошее впечатление вдумчивостью и доказательностью, подкупает творческий подход исследовательницы к решению поставленных проблем.

Таким образом, несмотря на высказанные замечания и пожелания, в целом, можно заключить, что диссертация М. Е. Паниной представляет собой самостоятельное, завершённое и комплексное исследование, обладающее научной новизной, выполненное на высоком профессиональном уровне и посвященное проблеме, имеющей важное теоретическое и практическое научное значение. Кроме специалистов по истории и теории современной литературы, эта работа может быть полезна исследователям

политической мысли Китая XX в. и целому ряду других ученых, занимающихся проблемой проявленности общественных идей в различных формах художественного творчества. Диссертация написана доказательно и убедительно, оформление нареканий не вызывает.

Диссертация Паниной Марии Евгеньевны на тему: «Образ России и русских в современной китайской публицистике (на материале писательских путевых очерков)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Панина Мария Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока). Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
Доктор филологических наук, профессор,
Профессор с возложенными обязанностями
Заведующего кафедрой китайской филологии

Сторожук Александр Георгиевич

Дата

21.02.2019